

УДК 801.73

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (на примере отрывка из романа Ж. Грина «Левиафан»)

© 2011 г.

А.Е. Бочкарев

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,

abotchkarev@sinn.ru

Поступила в редакцию 18.11.2010

Рассматривается процесс понимания текста. В избранном ракурсе важно даже не привести толкование к какой-то завершённой форме в виде резюмирующего суждения об авторской интенции, а скорее отразить динамику семиозиса в поступательном, чуть ли не пошаговом прочтении привлекаемого к разбору произведения, а вместе с тем показать, как решаются на современном этапе некоторые проблемы теории языка.

Ключевые слова: интерпретация, понимание, смысл, гипотеза, фрейм, импликация, метафора, оценка.

Предлагаемый для разбора фрагмент взят из романа Жюльена Грина «*Léviathan*» (1953).

Au bout d'un assez long moment Mme Grosgeorge plia son journal et se mit à regarder les bûches qui se consumaient. Lorsque la dernière tomberait en morceaux, elle et son mari quitteraient le salon pour gagner leurs chambres. C'était le signal qu'ils attendaient l'un et l'autre; ainsi s'achevaient leurs soirées d'hiver. Et, tout en considérant les flammes, elle s'abandonnaient à mille réflexions. Dans cet intérieur à la fois comique et sinistre, où tout proclamait la petitesse d'une existence bourgeoise, le feu semblait un être pur et fort que l'on tenait en respect, comme une bête cernée au fond de sa tanière, avec des chenets, des pincettes et des tisonniers, instruments ridicules. Toujours prêt à se jeter hors de sa prison, à dévorer le tapis, les meubles, la maison détestée, il fallait le surveiller sans cesse, ne pas laisser seul dans la pièce, refouler les tronçons brûlants qu'il envoyait quelquefois sur le marbre, parer ses étincelles meurtrières. Elle était comme ce feu furieux et impuissant au fond de l'âtre, agonisant devant des choses sans beauté et des lâches vigilants qu'il ne pouvait jamais atteindre.

Brusquement, M. Grosgeorge sortit de son demi-sommeil.

— Hein ? Quoi ? fit-il. Tu as dit quelque chose ?

— Non. Tu as dû rêver, dit-elle d'une voix sèche où perçait le mépris. Elle ajouta : Je vais monter dans un instant.

— Ah ? Moi aussi. Je dors déjà. Donne-moi la pelle que je recouvre les bûches.

Il prit la pelle de cuivre que sa femme lui tendait en silence et ramassant de la cendre la fit tomber d'une manière égale sur les flammes qui s'éteignirent.

• *Au bout d'un assez long moment Mme Grosgeorge plia son journal et se mit à regarder les bûches qui se consumaient.*

В качестве объекта описания начальное высказывание вводит главного персонажа. В первом упоминании персонаж именуется без какой-либо детализации внешности, обобщенно, нейтрально: *Mme Grosgeorge*. Единственной характеристикой здесь служит дескрипция *Mme*, по-французски звучащее имя собственное *Grosgeorge* и присоединенные предикаты *plia son journal* и *se mit à regarder les bûches*. По такой дескрипции можно строить, пока не прояснится действительное положение вещей, предположения о семейном положении, возрасте и национальности, а по присоединенным предикатам – судить о досуге.

Описание места действия ограничивается указанием на такую на первый взгляд малосущественную деталь интерьера, как камин, а затем и лежащие подле камина щипцы, подставку для дров, лопатку для углей: *pelle de cuivre, chenets, pincettes, tisonniers*, по которым можно воссоздать хотя бы в общих чертах прототипический образ салона¹.

В первом приближении можно предположить, что детали вроде *газеты* или *камина* случайны и что в них нет особой необходимости. Между тем именно детали, какими бы малозначительными они ни казались, позволяют воссоздать соответствующую область мира, создать

иллюзию присутствия, а в пределе и охарактеризовать владельца.

Выводной схемой здесь служат импликации типа 'journal' газета → /повседневность/, 'cheminée' камин → /время года и суток/, /социальный статус/ и т. п.

Умозаключение строится по правилам силлогизма. Например:

I. Камин – неотъемлемый атрибут салона в домах состоятельных людей;

В салоне есть камин;

Значит, дом принадлежит людям с достатком.

II. Камин разжигают в холодное время года (скорее вечером, чем утром);

Камин разожжен;

Значит, сейчас поздняя осень или зима (скорее вечер, чем утро).

В специальном смысле такое умозаключение не имеет, конечно, силы, но чтобы актуализировать афферентные признаки, этого в принципе и не требуется. Афференция зиждется на фоновых знаниях. Поэтому читатель вправе заключить: (i) если у г-жи Грогорж есть дома камин, значит, она принадлежит если не к высшему сословию, то хотя бы к среднему классу; (ii) если камин разожжен, значит, действие происходит поздней осенью или зимой, скорее вечером, чем утром.

• *Lorsque la dernière tomberait en morceaux, elle et son mari quitteraient le salon pour gagner leurs chambres. C'était le signal qu'ils attendaient l'un et l'autre ; ainsi s'achevaient leurs soirées d'hiver.*

Последующее высказывание подтверждает выдвинутое ранее предположение, а также позволяет еще и уточнить, что зимний вечер супруги коротают перед камином и что это привычное для них времяпрепровождение. Основанием такого умозаключения служит как видовременная форма глагольных выражений *attendre* и *s'achever* в значении повторяемости обозначаемого действия, так, собственно, и семантические пресуппозиции именного выражения *signal*: ср. *C'était le signal qu'ils attendaient l'un et l'autre; ainsi s'achevaient leurs soirées d'hiver.*

• *Et, tout en considérant les flammes, elle s'abandonnaient à mille réflexions.*

Сигналом для смены фокуса служит высказывание: *elle s'abandonnaient à mille réflexions.* Безучастно нейтральное описание сменяется внутренним монологом, призванным в пределе отразить, как квалифицируются во внутреннем пространстве человека окружающие его вещи. Так объектом изучения становятся не вещи, не

сами по себе вещи, а мнение по поводу вещей – объект мнения.

• *cet intérieur à la fois comique et sinistre, où tout proclamait la petitesse d'une existence bourgeoise...*

Во внутреннем монологе среде обитания предидируются такие на первый взгляд взаимно исключающие пейоративные свойства, как «комичный», «зловещий», «презираемый»: *cet intérieur à la fois comique et sinistre*, из которых складывается в итоге общая оценка – *la maison détestée*. Причем определяющим критерием общеприцательной оценки оказываются не сами по себе вещи, не онтологические их свойства типа «быть ковром», «быть диваном» или «быть домом», а общая негативная оценка среды обитания в субъективном восприятии: *la petitesse d'une existence bourgeoise*.

Примечание. Поскольку оценка совершается всегда в сравнении с чем-то другим, все, что оценивается, входит с необходимостью в некоторый компаративный класс. В нашем случае компаративный класс образуется из элементов разноразличных парадигм. Причем окказиональной точкой отсчета здесь служит не соответствие какому-то общему, пусть и акцидентному, свойству, которым обладают сравниваемые понятия, а противоположная их квалификация в субъективной оценке, наделяющей одно понятие положительным содержанием взамен отрицаемого содержания в несогласном понятии: 'intérieur' обстановка /-/ vs 'feu' огонь /+/.

• *...le feu semblait un être pur et fort que l'on tenait en respect, comme une bête cernée au fond de sa tanière, avec des chenets, des pincettes et des tisonniers, instruments ridicules. Toujours prêt à se jeter hors de sa prison, à dévorer le tapis, les meubles, la maison détestée, il fallait le surveiller sans cesse, ne pas laisser seul dans la pièce, refouler les tronçons brûlants qu'il envoyait quelquefois sur le marbre, parer ses étincelles meurtrières.*

В ассумптивном универсуме г-жи Грогорж 'feu' огонь, а вместе с ним и 'cheminée' камин, представляется в терминах, подходящих больше для 'être' живое существо и 'bête' животное. Чтобы понять, читателю не остается ничего другого, как релятивизировать истинностную оценку относительно установки мнения, а затем только решать, насколько адекватным в данном контексте мнения является выбор присоединенных предикатов типа *prêt à se jeter hors de sa prison, à dévorer le tapis, les meubles, la maison détestée*. В противном случае нельзя сказать, почему *огонь* уподобляется *животному* и на основе каких, наконец, признаков устанавлива-

ется отношение подобия вида $a \cong b$ Def: 'feu' *огонь* \cong 'bête' *животное* в значении «быть в каком-то отношении таким или почти таким, как животное» – таким же опасным, коварным, непредсказуемым и прожорливым.

Примечание. (i) В терминах семантики возможных миров это означает: чтобы осуществить функцию идентифицирующей референции, некоторый концепт c_1 ('feu' *огонь*) выбирает в качестве интенциональной функции некоторый другой объект, соотносимый в данном контексте мнения с концептом x_1 ('être' *живое существо*) или x_2 ('bête' *животное*).

(ii) Семантическим оператором, позволяющим установить отношение подобия между элементами разных семантических областей, здесь служит, во-первых, глагольное выражение *semblait* «казался» (*semblait un être pur et fort*), во-вторых – компаративная связка *comme* «как» в функции ограничителя: *comme une bête cernée au fond de sa tanière*. С помощью таких «операторов половинчатости» (Н.Д. Арутюнова) «странную» пропозицию можно перифразировать примерно так: *огонь* (в стандартном универсуме) есть *животное* (в ассумптивном универсуме).

Приняв такую аналогию, нельзя не принять и последующее развитие компаративного иносказания, в котором *очаг* уподобляется логову и клетке, *щипцы*, *кочерга* и *лопатка для углей* – орудиям устрашения (хотя и смешным), *ковер*, *мебель* и прочая домашняя обстановка – ненавистной вражеской силе.

Так задается серийная аналогия 'feu' *огонь*, 'bête' *животное*, 'cheminée' *камин*, 'tanière' *логово*, 'cheminée' *камин*, 'prison' *клетка*, 'détruire' *уничтожать*, 'dévoier' *пожирать*, в которой седьмой термин так относится к восьмому, пятый к шестому, четвертый к третьему, как первый ко второму.

• *Elle était comme ce feu furieux et impuissant au fond de l'âtre, agonisant devant des choses sans beauté et des lâches vigilants qu'il ne pouvait jamais atteindre.*

Аналогия распространяется по смежности и на сидящую перед камином женщину².

Так задается отношение подобия вида 'elle' *она* \cong 'feu' *огонь*.

Не вдаваясь в рассуждения, насколько совместимы по вектору оценки сравниваемые элементы, заметим пока, что в разбираемой транспозиции 'elle' *она* уподобляется 'feu' *огонь* по свойствам, по которым 'feu' *огонь* уподоблялся ранее 'bête' *животное*. Причем профилирующими становятся в основном афферентные при-

знаки /неистовый/ (в контексте «*furieux*»), /беспомощный/ (в контексте «*impuissant*», «*qu'il ne pouvait jamais atteindre*»), /теряющий силу/ (в контексте «*agonisant*»).

В этой связи не может не возникнуть вопрос, зачем брать в качестве промежуточного звена 'feu' *огонь*, а не прибегнуть к более простому решению: 'elle' *она* → 'bête' *животное*. Такое решение неприемлемо, ибо производный семантический эффект здесь может быть только пейоративным³, какой бы признак ни избирался в качестве основания сравнения. Во избежание пейоративного эффекта приходится прибегать к более сложному, поэтапному, зато элегантному решению: (i) 'feu' *огонь* → 'bête' *животное*, (ii) 'elle' *она* → 'feu' *огонь*⁴.

Так складывается серийная троичная аналогия 'elle' *она*, 'feu' *огонь*, 'bête' *животное*, 'maison' *дом*, 'cheminée' *камин*, 'tanière' *логово*, 'maison' *дом*, 'cheminée' *камин*, 'prison' *клетка*.

Чтобы рационализировать такое развернутое иносказание, читатель вправе рассуждать на тему человеческих отношений, быта, семьи, женской доли и т. п., но не должен вместе с тем забывать, что «метафорический смысл» не исчерпывается моральными выводами, какими бы ценными они ни казались, а заключается как раз в иллюкативной силе художественного образа. В противном случае интерпретация низойдет до экспликации психологических, морально-этических, идеологических и прочих составляющих, а художественное произведение превратится в иллюстрацию наиболее подходящего по случаю философского, психологического, социально-экономического или политического трактата и тем самым перестанет быть эстетическим объектом.

• *Brusquement, M. Grosgeorge sortit de son demi-sommeil.*

— *Hein ? Quoi ? fit-il. Tu as dit quelque chose ?*

— *Non. Tu as dû rêver, dit-elle d'une voix sèche où perçait le mépris. Elle ajouta : Je vais monter dans un instant.*

— *Ah ? Moi aussi. Je dors déjà. Donne-moi la pelle que je recouvre les bûches.*

Размышления прерываются полусонной репликой мужа: *Hein ? Quoi ? fit-il. Tu as dit quelque chose ?* При этом следующий за вопросом диалог, пусть и строится по традиционной вопросно-ответной схеме, оказывается не более чем формальным обменом высказываниями-репликами. Внешне здесь нет никакого противоречия, несогласия, спора, но нет и ответного понимания. В терминах М.М. Бахтина это «нулевые диалогические отношения» без особой,

хоть какой-нибудь смысловой конвергенции [4; с. 320–325]. Тем понятнее авторский комментарий относительно эмоциональной окраски голо-са (тембра), в котором сквозит едва скрываема-я неприязнь к мужу: *dit-elle d'une voix sèche où perçait le mépris.*

• *Il prit la pelle de cuivre que sa femme lui ten- dait en silence et ramassant de la cendre la fit tomber d'une manière égale sur les flammes qui s'éteignirent.*

Разговор завершается привычным, чуть ли не ритуальным действием. Взяв протянутую же-ной лопатку, муж методично посыпает золой, пока не погаснут последние огоньки, догораю-щие в камине поленья. Описание предельно точно и внешне нейтрально. Но если вспом-нить, что во внутреннем монологе 'elle' она уподобляется 'feu' огонь: *Elle était comme ce feu,* в ином свете предстает и констатация вида *les flammes ... s'éteignirent.*

В символическом смысле за таким утвер-ждением кроется большая человеческая драма. Причем к такому выводу нас подводит не ав-торская оценка событий и даже не сами по себе события, а способ их отображения в словесном построении. Так форма словесного построения становится тождественной объективному со-держанию произведения. Литературную крити-ку здесь в основном интересует индивидуально-авторский стиль, аналитическую философию – пропозициональные установки, когнитивную семантику – базовые модели понимания, а ин-терпретирующую семантику – востребованные в толковании процедуры и операции интерпре-тации.

Разбираемый фрагмент позволяет, таким образом, обозначить некоторые принципи-альные для интерпретирующей семантики положения.

• Художественный текст не отражает, а вос-создает реальность по своим, лишь ему прису-щим законам. Поэтому целесообразнее гово-рить не о соответствии, а скорее об «эффекте реальности» (Р. Барт) или «референтном впе-чатлении» (Ф. Растье).

• Референтное впечатление задается имен-ными выражениями, указывающими, с какой предметной областью соотносится *hic et nunc* анализируемое выражение.

• В эпистемологическом отношении интерес представляют не сами по себе употребляемые имена, а присоединенные к ним семантические предикаты. От фокусируемых в них свойств можно заключать к «представлению объекта в мысли», а по способу представления – еще и

судить о производной системе знания, мнения или убеждения.

• В контексте мнения истинностное значение высказывания релятивизируется относительно мнения, в котором совершается это высказыва-ние.

• Внести коррективы в истинностное значе-ние «проблемных» суждений позволяют внут-ритекстовые семантические операторы, в том числе компаративная связка *comme* «как» или глагольное выражение *sembler* «казаться», в функции ограничителя.

• Дескриптивное значение относится к дей-ствительному миру, оценочное значение – к миру ценностей. Причем перейти от мира физи-ческого к миру ценностей позволяет модус по-лагания (мнения).

• Оценочное значение обуславливается он-тологическими свойствами вещей лишь в той мере, в какой эти свойства «пропускаются» че-рез внутренний мир человека. В этом смысле «природа оценки отвечает природе человека» [5; с. 181].

• Выведение в фокус какого-то частнооце-ночного признака в семантическом предикате характеризует помимо объекта суждения и са-мого говорящего, выделяющего этот признак в качестве основания оценки.

• Одним из возможных выражений оценки может быть метафора.

• В истолковании метафоры важно не только установить общий видовой признак (*tertium comparationis*), но и определить условия его предикации.

• Интерпретантом метафорической транс-позиции служит как внутренний контекст, так и разного рода социальные и идиолектные нор-мы.

• «Метафорический смысл» не исчерпыва-ется моральными выводами, а заключается еще и в иллюкативной силе художественного образа.

Примечания

1. За отсутствием контекстуальной информации недостающие части обстановки фигурируют по умолчанию. Восстановить их нам позволяет эмпири-ческий опыт – знание о том, что в салоне должны быть еще стены и потолок, диван, кресла и стулья, что у стульев имеются ножки и спинка и так далее и тому подобное. Поэтому вряд ли кому придет в го-лову утверждать, что в салоне г-жи Грогорж нет ничего другого, кроме камина и подставки для дров. О структурно-содержательном членении фрейма стереотипной ситуации см., в частности, исследова-ния М. Минского [1], Ч.Дж. Филлмора [2], Ю. Чарняка [3] и др.

2. Семантическим оператором, вносящим коррективы в истинностное значение такой транспозиции, здесь служит опять-таки компаративная связка *comme* «как» в функции ограничителя: *Elle était comme ce feu*.

3. Семантический эффект зависит, как известно, от вектора – от того, что берется в качестве определяющего, а что в качестве определяемого термина. Метафорическое выражение производит мелиоративный эффект, когда определяющий термин находится на более высокой отметке ценностной шкалы относительно определяемого термина, пейоративный эффект – когда определяющий термин находится на более низкой отметке ценностной шкалы относительно определяемого термина.

4. Затруднение вызывает даже не «категориальный барьер» (Н.Д. Арутюнова), не аллотеория по несовместимым родовым признакам, а такое весьма существенное для французской риторики обстоятельство как различие грамматического рода: ср. «elle» она (жен.) – «feu» огонь (муж.). Ибо, заме-

тим, во французской языковой картине мира метафорическому сравнению подлежат обычно имена той же морфологической категории.

Список литературы

1. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 126 с.
2. Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М.: Прогресс, 1983. С. 23–60.
3. Чарняк Ю. Умозаключения и знания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 171–207.
4. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 320–325.
5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.

ABOUT SEMANTIC INTERPRETATION OF A LITERARY TEXT (on the example of J. Green's novel «Leviathan»)

A.E. Bochkarev

Taking a fragment of J. Green's novel as an example, the paper considers some problems connected with the text understanding and its semantic interpretation.

Keywords: interpretation, understanding, sense, hypothesis, frame, implication, metaphor, evaluation.